

12. Новиков В.И. Книга о пародии. М. : Сов. писатель, 1989. 544 с.

13. Пушкин А.С. Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем // Собр. соч. : в 10 т. М. : Худож. лит., 1976. Т.6. С.76 – 80.

14. Тынянов Ю.Н. О пародии // Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 284 – 309.

“Laugh word” in parody ballads by M.A.Dmitriev

There are regarded the peculiarities of “laugh word” functioning (M.Bakhtin) in parody ballads by M.Dmitriev. There is shown that producing special laugh energy “laugh word” opens the opportunities for carnival dialogue of writers of two epochs.

Key words: “laugh word”, carnival word, parody, satire, dialogue.

К.А. НАГИНА
(Воронеж)

«СТРАШНАЯ БУРЯ» В «СТРАШНУЮ НОЧЬ»: МОТИВ МЕТЕЛИ У Л.Н. ТОЛСТОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.

Исследуется один из универсальных сюжетов русской литературы – «метельный», берущий начало в творчестве П.А. Вяземского, блестяще развитый А.С. Пушкиным и воссозданный Л. Толстым. Сцена родов княгини Болконской («Война и мир») и «метельная» сцена встречи Анны и Вронского на железнодорожной станции («Анна Каренина») рассматриваются как предельно концентрированное воплощение одного из его вариантов – «страшной бури» в «страшную ночь».

Ключевые слова: литературные универсалии, метель, буря, путь, дом, Вяземский, Пушкин, Л. Толстой.

Мотив метели вошел в русскую литературу вместе со стихами П.А. Вяземского, первым из русских поэтов, связавшим специфику национального характера с любовью к зиме. В его лирике зима предстает в двух ипостасях: в виде «волшебницы», застилающей долины бе-

лой «скатертью», и в виде демонической, темной силы, кружением снега смешивающей небеса и землю, переиначивающей свет во тьму. В образе метели поэт обнаруживает потенции философской и литературной универсалии, и его стихотворение «Метель» дает inferнальный вариант развития «метельного» сюжета: путник, замкнутый в степи вьюгой, обращается в игрушку бесовских сил и движется к гибели. В этом стихотворении содержится весь комплекс значений inferнального варианта сюжета метели: поглощение света тьмой, бесовское кружение, потеря ориентации в пространстве, угроза реальной опасности. Особенно активно в немногочисленных стихотворениях поэта, упоминающих метель или вьюгу, подчеркивается ночная природа этого явления. В элегии «Первый снег», сам процесс преобразования природы, ее «убеления», остается «за кадром», однако уже здесь вьюга соседствует с тьмой. В «Метели», послании «К моим друзьям Жуковскому, Батюшкову и Северину» и стихотворении «Зима» взаимодействие двух начал продолжается. Этот комплекс «метельных» значений частично поддерживается в зимней лирике В.А. Жуковского, Н.М. Языкова и М.Ю. Лермонтова. Разрушительный, противный всему живому характер метели выходит на первый план в стихотворениях В.А. Жуковского «Гимн» и «Овсяный кисель». В них вьюга демонстрирует злую ипостась природы, что связано с ветхозаветным осмыслением бури или другого природного катаклизма как Божьей кары за человеческие прегрешения. В балладе «Светлана» образно-смысловой ряд «метель / тьма / испытание» расширяется за счет мотивов смерти / могилы и потери пути.

А вот в лирике Н.М. Языкова отчетливо звучит и другой мотив, заявленный Вяземским: восприятие метели отражает специфику национального характера, объясняет русский менталитет. Одним из факторов формирования национального характера, в частности мечтательности, называет вьюгу В. Кюхельбекер в романе «Последний Колонна». Тему метели как символа «нерассветного» пространства продолжает М.Ю. Лермонтов. В его стихах метель становится частью «горного текста» и сопрягается с холодной вечностью, исключаяющей людское присутствие. Метель в горах – знак обреченности человека, его смертности, в то же время это и символ величавого бессмертия «пустынных» гор, отстраненных от всего живого.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.**

В зимних стихах Пушкина инфернальный вариант сюжета метели, введенный в литературу Вяземским, продолжает свое развитие. Однако иноположенность стихии человеку, воплощенная у Вяземского в образах лешего и зверя, у Пушкина получает иное толкование. Бесы проявляют враждебность по отношению к человеку, но сами оказываются существами страдающими. У Пушкина «стихия выступает разом как насильница и страдалница, – пишет М. Эпштейн. – В ней совмещаются черты зверя и дитяти...» [10, с. 194].

Схожий метельно-бесовский пейзаж возникает у Н.В. Гоголя почти одновременно с Пушкиным. В «Ночи перед Рождеством» метель связана с проделками черта: желая вернуть домой Чуба, тот начинает «разрывать со всех сторон кучи замерзшего снега». В результате «поднялась метель. В воздухе забелело. Снег метался взад и вперед сетью и угрожал залепить глаза, рот и уши пешеходам» [2, с. 117]. Метель, имеющая бесовское происхождение, приводит к череде комических случайностей, в результате которых больше всех страдает сам же черт. Таким образом, «то, что у Пушкина отдает жутью, у Гоголя пока еще овеяно духом фольклорной забавы» [9, с. 117]. Метель, устроенная чертом, запускает механизм взаимодействия комических и чудесных случайностей. Становясь одним из элементов святочного рассказа, она определяет судьбы его персонажей. Однако свои философские потенции, как известно, этот природный символ раскроет именно в творчестве Пушкина. В «Метели» и «Капитанской дочке», как и в «Бесах», человек теряет верное направление пути, но итог развития метельного сюжета в этих произведениях принципиально иной. Метель представляет здесь стихию «умную», по словам М.О. Гершензона, мудрее «самого человека. Люди, как дети, заблуждаются в своих замыслах и хотениях, – метель подхватит, закружит, оглушит их, и в мутной мгле твердой рукой выведет на правильный путь» [1, с. 103].

Начиная с Пушкина, образ метели-судьбы прочно займет свое место в русской литературе. У Л. Толстого, как и у Пушкина, «метельный» сюжет имеет сквозной характер. С ним связаны «Метель», «Анна Каренина», «Война и мир», «Хозяин и работник». Если повесть «Хозяин и работник», по замечанию И.А. Юртаевой, подводит «итог развития темы метели, представленной в основе сюжета произведений Пушкина, Толстого, Достоевского» [11, с. 194], то рассказ «Метель» открывает в творчестве Толстого этот сюжет. В центре внима-

ния писателя – частный случай, пока еще не вписанный в контекст исторического процесса, но все же имеющий выходы в сферу жизни общей [5]. Осмысление хода истории как проявления воли Провидения сближает «Войну и мир» Л.Н. Толстого с «Капитанской дочкой» А.С. Пушкина. В одной из ключевых сцен романа «Война и мир» – родов маленькой княгини Лизы и внезапного появления князя Андрея, считавшегося погибшим на поле Аустерлица, – Толстой явно следует пушкинской традиции: неожиданно разгулявшаяся за окнами лысогогорского дома метель демонстрирует волю судьбы-провидения.

Княгиня Лиза полностью созвучна метельной стихии, она тоже «зверь» и «дитя»: «Блестящие глаза, смотревшие детски-испуганно и взволнованно, остановились на нем (князе Андрее. – К.Н.), не изменяя выражения. “Я вас всех люблю, я никому зла не делала, за что я страдаю? Помогите мне”, – говорило ее выражение» [7, т. 5, с. 44]. «Жалкие, беспомощно-животные стоны слышались из-за двери. <...> Вдруг страшный крик – не ее крик, она не могла так кричать – раздался в соседней комнате» (Там же, с. 45). Женщина как природа у Пушкина – «и палач, и жертва <...> двузначная стихия, уничтожающая самое себя, рвущая на части собственное тело, болящая от ран, себе наносимых» [10, с. 194]. С одной стороны, именно поэтому нет ответа на немой вопрос Лизы, с другой стороны, он есть, и князь Андрей хорошо знает этот ответ: его жена и есть та жертва, которую он решил принести в погоне за «славой, любовью людской» [7, т. 4, с. 334].

Сцены родов в творчестве Л. Толстого – роды маленькой княгини, Анны Карениной, Кити – призваны показать, как тонка реальная ткань бытия, как близко человек стоит к бездне, скрытой за миром материальных вещей. Эта бездна у Толстого амбивалентна. Физические страдания обнажают близость женской души, как сказал бы Д.С. Мережковский, «ночной» душе зверя – мотив трансформации женского в страдающее «зверское» характерен для всех вышеперечисленных сцен. Однако со «зверским» соседствует детское, уязвимое, также просыпающееся в женщине с родовыми муками. Это «детское» – знак божественного, чье присутствие осознают у Толстого все участники происходящего таинства. В «метельной» сцене родов «маленькой княгини» эту «двойную» бездну символизирует метель, также амбивалентная по своей природе. В толстовской метели прочитывается пушкинская – зверь и дитя.

Необходимой составляющей семантического поля метели у Толстого является смерть: «Вдруг порыв ветра налег на одну из выставленных рам комнаты <...> и, отбив плохо задвинутую задвижку, затрепал штофной гардиной, и, пахнув холодом, снегом, задул свечу» [7, т. 5, с. 43]. Ветер, задувший свечу, заставляет няню подойти к окну и увидеть едущего по «прешпекту» мнимого покойника – князя Андрея. Обнаружение пропавшего жениха в круговерти метели и вьюги уже было изображено Жуковским: героиня баллады страшной ночью, в метель, находит суженого мертвым, в гробу. Но этот сюжет имеет счастливый финал: «страшный сон» Светланы обрачивается возвращением жениха. «Балладный» контекст имеет и пушкинская «Метель», о чем свидетельствует эпитафия из «Светланы» Жуковского. Указывая на смещение, произошедшее в балладе Жуковского по отношению к первоисточку – балладе Г. Бюргера «Ленора», А. Иваницкий прослеживает дальнейшее смещение в «Метели»: «Страшный сон Марьи Гавриловны об утраченном и обреченном на действительную смерть Владимире оканчивается “пробуждением” и браком с другим, “подменным” женихом. Он и есть настоящий суженый, поскольку появляется в жизни героини не в результате “романного” домашнего воспитания (как Владимир), а реальным и необратимым жизненным ходом стихии / истории» [3, с. 8]. Балладная атмосфера повести поддерживается и мотивом «невинной вины»: «В невестрече Маши с Владимиром и в странном браке повинна метель; в смерти Владимира – война <...>. Этим не только убавляется возможность самостоятельного нравственного выбора (и отсюда мера вины), но и подергивается туманом для героини смысл произошедшего с нею», – заключает исследователь (Там же).

Балладный контекст очевиден и в сцене родов / смерти княгини Болконской. Толстой продолжает смещение сюжета: метельной ночью воскресает жених, но умирает невеста. Если Марья Гавриловна неповинна в смерти Владимира, которой оплачено счастье ее и Бурмина, однако испытывает укоры совести, то вина Болконского измеряется иначе. Формально герой не может отменить бытийных законов – смерти жены в родах, но это не уменьшает его моральной ответственности, поскольку он готов был принести в жертву славе, «торжеству над людьми» самых близких ему людей: «... как ни страшно и ни естественно это кажется, я всех их отдам сей-

час за минуту славы, торжества над людьми» [7, т. 4, с. 334].

В «Анне Карениной» метельный сюжет вновь связан с темой обретения жениха: Алексей Вронский является перед Анной из вьюжной круговерти, подобно Андрею Болконскому. Семантика метели-судьбы сохраняется и в этой сцене, но в описании метели доминирует инфернальное начало. Это «страшная буря», которая «рвалась и свистала на железнодорожной станции. Особенную образно-смысловую нагрузку несет взаимодействие снежной бури и железной дороги, с которой связана история Анны и Вронского. Образ метели на железнодорожной станции вкупе с описанием паровоза обращают к словам апостола Павла из «Послания к Римлянам», взятым эпитафией к роману.

Похожий поворот сюжета с природным катаклизмом, в орбиту которого втянуты муж, преступная жена, любовник и ребенок, описан Ф.И. Тютчевым в стихотворении, относящемся к первой половине 1830-х годов. Буря в описании Тютчева подобна толстовской: она «бешеная» и «злая», только разыгрывается не зимой на железнодорожной станции, а на море. Буря аккомпанирует страсти, горячит чувства мужчины, но вселяет опасения в сердце женщины: «“Все бешеной буря, все злее и злей, / Ты крепче прижмись к груди моей”. – / “О милый, милый, небес не гневи, / Ах, время ли думать о грешной любви!” – / “Мне сладок сей бури порывистый глас, / На ложе любви он баюкает нас”» [8, с. 298].

Дом в стихотворении Тютчева представляется любовнику надежной цитаделью. Он противостоит буре, символизируя уверенность в счастливом будущем. В толстовском описании бури нет даже иллюзии некоей защищенности персонажей от стихии. Взаимопроницаемость вагона / укрытия и бушующей природы, отсутствие границ между локусами принципиально для «метельной» сцены и для романа в целом. Мотив распадающегося дома заявлен уже в первых его строках и является одним из ключевых. Именно в «Анне Карениной» обнаруживаются истоки самого трагичного мотива позднего творчества Толстого – мотива дома, как бы разрываемого изнутри негативной энергией домочадцев. Толстовские герои становятся «бездомовниками». С домом / зыбким укрытием, уничтожаемым стихией / судьбой, корреспондирует буря / метель, предвещающая утрату дома: дальнейшее существование Анны превратится в жизнь на «постоялом

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.**

дворе», самом негативном из трансформаций толстовского «антидома».

Под натиском стихии распадается дом и в тютчевском стихотворении. После того, как женщина вспоминает о муже, находящемся в бурном море, любовников охватывает суеверный страх. Предчувствия небезосновательны: «Вдруг с треском ужасным рассыпался гром, / И дрогнул в основах потрясшийся дом». И дитя, и обманутый муж становятся жертвами преступной страсти: грешница наказывается смертью своего супруга. «Вопль детский раздался, отчаян и дик, / И кинулась мать на младенческий крик. / Но в детский покой лишь вбежала она, / Вдруг грянулась об пол, всех чувств лишена. / Под молнийным блеском, раздвинувшим мглу, / Тень мужа над люлькой сидела в углу» [8, с. 298].

Первым связал «метельный» эпизод толстовского романа с тютчевским мироощущением Д.С. Мережковский, заметивший, что ужас метели показался Анне «прекрасным»: это «радость, смешанная с ужасом (“страшно и весело”) <...> Это наше самое новое и самое древнее, русское, пушкинское <...> Это тютчевское обращение к ночному ветру...» [4, с. 327]. В метели Мережковский читает проявление воли Творца, однако не связывает «ужас метели» с темой возмездия, иначе расставляя акценты. В его трактовке и страсть, и метель имеют одну природу. Действительно, в метели истоком служат «бесовское начало» и раздвоение Анны. Все это вписывается в inferнальный вариант сюжета метели, в центре семантического поля которого аккумулируется страх («страшная ночь», «страшная буря», «страшно закричало», «ужас метели»). Вначале ему сопутствует стыд, имеющий для Анны неясную этиологию, затем стыд вытесняется весельем, также необъяснимым. «Ужас метели» становится «прекрасным», а странное состояние преобразуется в «волшебное напряженное состояние», в котором «было что-то радостное, жгучее и возбуждающее» [7, т. 8, с. 118]. Все это говорит о том, что Анна сделала выбор и обратного пути нет. Этот выбор корреспондирует с inferнальным началом как в метели, так и в ее душе. «Метельная» сцена встречи Анны и Вронского – самое концентрированное, пожалуй, во всей русской литературе воплощение темы «страшной бури» в «страшную ночь», учитывающее ее многообразную семантику. Толстой еще обратится к теме метели в позднем творчестве, но это будет уже иной вариант развития «метельного» сюжета.

Тема «страшной бури» в «страшную ночь», начатая Вяземским, получившая многозначное блестящее развитие в творчестве Пушкина, в предельно концентрированном виде воплощенная Толстым, будет в первых десятилетиях XX в. перевоссоздана Блоком, Пастернаком, Булгаковым, Шмелевым и другими писателями с опорой на ее универсальные смыслы.

Литература

1. Гершензон М.О. Мудрость Пушкина. Томск : Водолей, 1997.
2. Гоголь Н.В. Собр. соч. : в 6 т. М. : Худож. лит., 1959.
3. Иваницкий А. «Зимний путь» у Пушкина («национальная» природа – кухня истории как культуры) // Slavica tergestina. 1998. № 6. С. 5 – 36.
4. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М. : Республика, 1995.
5. Нагина К.А. Символические «сцепления» в рассказе Л. Толстого «Метель» // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. : Филология. 2009. № 5. Т. 1. С. 19 – 28.
6. Пушкин А.С. Собр. соч. : в 10 т. М. : Худож. лит., 1959 – 1962.
7. Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1979 – 1985.
8. Тютчев Ф.И. Сочинения : в 2 т. М. : Худож. лит., 1984. Т. 1.
9. Эпштейн М. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. М. : Высш. шк., 2006.
10. Эпштейн М. Стихи и стихии. Природа в русской поэзии XVIII – XIX веков. Самара : БАХРАХ-М, 2007.
11. Юртаева И.А. Мотив метели и проблема этического выбора в повести Л.Н. Толстого «Хозяин и работник» // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Аспекты теоретической поэтики. М. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2000. С. 172 – 203.

“Terrible storm” at “terrible night”: the motive of snowstorm at L.N.Tolstoi’s works in the context of the Russian literature of the XIX century

There is researched the one of the universal plots of the Russian literature – “snowstorm” rising at the creative work of P.A.Vyazemsky brilliantly developed by A.S.Pushkin and recreated by L.Tolstoi. The delivery scene of the duchess Bolkonskaya (“War and Peace”) and the “snowstorm” scene of the meeting of Anna and Vronsky at the railway station (“Anna Karenina”) are considered as concentrated incarnation of one of its variations – “terrible storm” at “terrible night”.

Key words: literature universals, snowstorm, storm, way, home, Vyazemsky, Pushkin, L.Tolstoi.